

В. Л. ШЕЙНИС ПРОТИВ К. МАРКСА

"Мальбрук в поход собрался..."

Однажды Кювье решили напугать. Вечером в окне его спальни появилась голова чудовища с рогами, и чудовище произнесло: "Я тебя съем!". "Не съешь" — отвечал Кювье. "У тебя рога. Значит, ты — травоядное животное и мяса не ешь".

В. Л. Шейнис и его единомышленники (например, Н. Шмелев) представляют социал-демократическое направление в нашей партии со всеми характерными для социал-демократов чертами. Ему хотелось бы «съесть» марксизм, но «рога» свидетельствуют о том, что он на это, как и все доморожденные социал-демократы, неспособен. Ныне можно отвергать марксизм, не очень заботясь о качестве критики и основательности аргументации, сложившаяся историческая ситуация этому способствует. Но полностью и навсегда лишить марксизм значения для осмысления развития, общества в настоящем и обозримом будущем не удастся¹.

В. Л. Шейнис, хотя и своеобразно, признает научную ценность марксизма, а именно только для XIX в. (Эта мысль была откровенно выражена им в докладе, в опубликованном же изложении доклада она присутствует в завуалированном виде). Но если докладчик признает научное содержание марксизма, пусть лишь для XIX в., он должен осуществлять его научную критику его. Элементарное необходимое требование к критике какой-либо теории — понять ее. А оно-то как раз и не соблюдено. Претензия преодолеть марксизм, не понимая его существа, — пустая претензия, в лучшем случае могут быть выявлены какие-то частные ограниченности марксизма. В данном случае, говоря о существовании марксизма, я подразумеваю его метод. Ниже будет идти речь о "рогах", наличие которых и свидетельствует о том, что поход В. Л. Шейниса и его единомышленников против марксизма — поход Мальбруков.

"Не оспаривая правомерности соотношения перестройки с общими проблемами формационного развития, — пишет В. Л. Шейнис, — хотелось бы, однако, решительно возразить против прозвучавшего здесь разделения двух ракурсов анализа общественных процессов (на мой взгляд, совершенно равноправных и дополняющих друг друга),

---

¹ Наше понимание хода истории будущего человечества и отношении к марксизму см.: Вазюлин В. А. "Логика истории". М., 1988.

как будто речь идет о различиях между теоретическим и "обыденным, поверхностным сознанием" (В. А. Вазюлин)².

Вот и появляются "рога". Моя позиция совсем не в том, что я будто бы считаю: общие проблемы формационного развития – теоретическое сознание, а проблемы перестройки – проблемы обыденного, поверхностного сознания. Такой бессмыслицы я не говорил и не скажу. В чем в действительности заключается мое разногласие с В. Л. Шейнисом? Общие проблемы формационного процесса и проблемы перестройки взаимосвязаны. Весьма важную роль для интерпретации перестройки, для характеристики её хода и препятствий на её пути играет трактовка "общих проблем формационного процесса". И вот с трактовкой-то В. Л. Шейнисом этих общих проблем я в корне не согласен. На несогласии с этой трактовкой я сконцентрировал свое внимание, ибо, не выяснив позиции по общим проблемам, мало толку обсуждать более частные проблемы.

Очень кратко говоря, по моему мнению, в решении общих проблем формационного процесса В. Л. Шейнис стоит на позициях обыденного, поверхностного сознания, не доходит до собственно теоретического сознания, а потому его "преодоление" марксизма по существу не может быть состоятельным. Сам В. Л. Шейнис возможно будет отрицать это. Но такое отрицание положения реальную позицию не изменит.

В последнее время вообще будто бы объявлен своего рода поход наших Мальбруков, на этот раз против теоретического познания и под флагом борьбы за права обыденного сознания. Теоретическое сознание либо объявляется схоластикой, либо сводится к обыденному сознанию. Обыденное сознание *nes plus ultra*^{*}! А обыватель, мечанин – вот подлинный человек! Единомышленник В. Л. Шейниса Н. Шмелев предельно откровенен (в диалоге с Ю. Поляковым): Однако меня пугает третья проблема – наше экономическое состояние. Ю. Поляков: Тут я честно признаю свой непрофессионализм... Я отношусь к тем рядовым потребителям, которые, обсуждая проблемы экономики, пользуются не научной терминологией, а, скорее, крепким народным словом. Мой взгляд обывательский...

Н. Шмелев: Хочу заметить, что для меня взгляд обывателя – это самый здоровый взгляд...³. Затем Н.

---

² В поисках оптимальных путей перестройки. Вестник МГУ. Серия 12. Теория научного коммунизма. 6/1988. с. 35.

* 1) самый лучший, непревосходимый

2) до крайних пределов, донельзя

³ "Литературная газета". 26 июля 1989 г.

Шмелев честно признается: "От титула идеедателя я, пожалуй, отказался бы. И это не кокетничанье, это результат долгих размышлений над собственными возможностями, над тем, что я могу, чего не могу. Считаю себя человеком глубоко консервативным по убеждениям и не помню за свою жизнь ни одной новой идеи, которая возникла бы у меня в голове. Если мои суждения имеют элементы новизны, то только по принципу: новое – это всегда хорошо забытое старое"⁴.

Если бы другим советским социал-демократам такое мужество! Для полноты картины ещё одно высказывание: "Второй момент: на чём базируется социально-экономическая жизнь. Здесь мало будет загадочного, если опираться на обычный здравый смысл и считать жизнеспособным только то, что полезно, эффективно, вне зависимости от идеологической окраски"⁵.

Следовательно, очевидно, что Н. Шмелева нельзя заподозрить в понимании метода "Капитала", а значит, и сути развиваемых К. Марксом в "Капитале" идей.

В отличие от Н. Шмелева В. Л. Шейнис, видимо, претендует на роль идеедателя, ибо было бы нелепо, если бы человек, не имеющий существенно новых идей, взялся бы за критику основополагающих идей Маркса, которого он сам признает гениальным. В. Л. Шейнис же берется за такую критику. Насколько она существенна и плодотворна, нам представляется, можно судить по следующим его словам: "Не является ли претензия на монопольное положение марксизма в экономической науке, претензия, обосновываемая ссылками на брошенные в пылу идеологической борьбы высказывания классиков (одно из которых приводит Р. И. Косолапов и из которых исходит В. А. Вазюлин), рецидивом зашоренности, на которую сетует Р. И. Косолапов?"

Сегодня, когда стараниями издательства "Прогресс", труды Дж. Кейнса, А. Маршалла, А. Пигу, Дж. Робинсон, Й. Шумпетера и других выдающихся экономистов Запада стали доступны даже читателям, не владеющим иностранными языками, когда чрезвычайно интересное развитие, а не упадок немарксистской экономической мысли можно сопоставить с реальными процессами эволюции капиталистической экономики, отнюдь не во всем подтвердившей гипотезы "Капитала" (говорю это не в упрек его гениальному автору), полагать, что лишь марксисты приобщены к тайнствам экономического знания, а все остальные "вульгарные", – это значит предаваться, мягко

---

⁴ Так же.

⁵ Так же.

говоря, (Какая мягкость! И какие тонкие намёки!), ребяческому чувству "первородного превосходства"⁶.

В. Л. Шейнис, видимо, даже не догадывается, какое *testimonium paupertatis** он себе выдал. Ведь он даже не понял, о чём идёт речь. Его высказывание обнаруживает потрясающее для претендента в ниспровергатели марксизма, прямо говоря, и незнание, и непонимание "Капитала", его метода (а без понимания метода нельзя понять и сущность политэкономических идей Маркса).

Выделение вульгарной политической экономии — это не моё изобретение. Сам К. Маркс различал классическую и вульгарную буржуазную политическую экономию. В его различении есть два основных момента. Первый момент имеет, так сказать, идеологический характер и не случаен для взглядов К. Маркса, а внутренне связан с его теорией классовой борьбы. В чём же заключается? Буду документально точен: "Буржуазия во Франции и Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает всё более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна та или другая теория, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой"⁷. (Чуть ниже он прямо называет эту политическую экономию вульгарной).

Отрицается ли тем самым К. Марксом возможность появления толковых и даже выдающихся специальных трудов по экономике капитализма? Отнюдь нет. "История современной политической экономии закапчивается Рикардо и Сисмонди — двумя антиподами, из которых один говорит по-английски, а другой по-французски, — подобно тому как начинается она в конце XVII века Петти и Буагильбером. Позднейшая экономическая литература сводится либо к эклектическим, синкретическим компендиям вроде произведения Дж. Ст. Милля, либо к более глубокой разработке отдельных отраслей (подчеркнуто нами — В.В.) как, например, "История цен" Тука".⁸

⁶ В поисках оптимальных путей перестройки. Вестник МГУ. Серия 12. Теория научного коммунизма. 6/1988. с. 37.

* "свидетельство о бедности", мягко говоря.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23, С. 17.

⁸ Там же, Т. 46, ч. I. С. 3.

Различение К. Марксом вульгарной и классической буржуазной политэкономии совсем не случайность, эти высказывания отнюдь представляют собой фразы, «брошенные в пылу идеологической борьбы» (В. Л. Шейнис). Конец классической буржуазной политической экономии наступает, по Марксу, с завоеванием буржуазией политической власти и появлением угрозы ей со стороны рабочего класса, тогда-то и происходит отказ не от специальных "отраслевых" экономических исследований, а от проникновения в глубинные основы и противоречия капитализма, от исследования возможностей их преодоления, а значит, преодоления капитализма. И если социал-демократы отказываются от признания антагонистических классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией, если они отказываются от идеи возможности и необходимости краха капитализма (сроки такого краха — это другой вопрос, они могут быть короче или длиннее, даже намного длиннее, чем ожидают), то, будучи последовательными, они должны отказаться сознательно или инстинктивно от различия между классической и вульгарной политической экономией. И наиболее типичный удобный довод при этом: а разве вообще после классической политической экономии не было экономистов? Были, конечно, и есть (в том числе и среди социал-демократов). Даже выдающиеся. Но не об этом речь.

Вторая специфическая черта вульгарной политической экономии: "Вульгарная политическая экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринёрски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства. Поэтому нас не может удивлять то обстоятельство, что как раз имея дело с отчужденной формой проявления экономических отношений, в которой они *prima facie** принимают нелепый характер и полны противоречий, — а если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня, — что именно здесь вульгарная политическая экономия чувствует себя совсем как дома и что эти отношения представляются ей тем более само собой разумеющимися, чем более скрыты в них внутренняя связь, хотя для обывденного представления они кажутся привычными"⁹.

Дело в том, что вульгарная политическая экономия отказывается от постижения сущности, внутренних связей,

---

* прежде всего. Ред.

⁹ Там же. Т. 25, ч. II. С. 383—384.

скрытых за или под поверхностью, а остаётся на поверхности, на уровне обыденного сознания. Наука движется от обыденного сознания, исходит из него, но не сводится к нему, не равноправно с ним и не просто его дополняет, не просто сосуществует наряду, рядом с ним. Теоретическое сознание, более глубокая ступень, чем сознание обыденное, остающееся в основном на поверхности вещей и процессов, но теоретическое сознание, проникая от поверхности вглубь, в своём закономерном развитии вновь возвращается к поверхности, которая на этом пути предстаёт как "просвеченная" сущностью.

Наши, советские социал-демократы, как впрочем и все остальные, не доходят до действительного понимания сущности капитализма, фактически не различают достаточно последовательно обыденный здравый смысл и теоретическое сознание, явление и сущность, внешнее и внутреннее, остаются в соответствии с марксовской трактовкой слова, на позициях вульгарной политекономии. Сталкиваясь же с теоретическим постижением предмета, они отвергают его как схоластику, не будучи в состоянии различить действительную теорию и действительную схоластику.

Весь "Капитал" написан для выявления внутренней сущности капитализма, невидимой обыденному сознанию связи. Ставить ли эклектически теоретическое сознание и обыденное сознание на одну доску как равноправные и взаимодополняющие или откровенно сводить теоретическое сознание к обыденному (как поступает Н. Шмелёв) — значит, применительно к "Капиталу" стоять перед ним как перед мощным закрытым замком, ключ от которого они не имеют, пытаются разрушить его, царапая ногтями каменные стены.

Может быть, в чём-то столь же "глубоком" и не столь уж редком сознании это и представляется разрушением марксизма, может быть, оно даже найдёт признание как нечто фундаментально, новаторское. Это неудивительно, ибо наше время — время активного распространения старых, забытых или незнакомых у нас шаманов, время оживления социальных иллюзий (в том числе религии, мистических философских учений и т. п.) с определённой модификацией их применительно к сложным нынешним условиям.

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК
ПРОФЕССОР
ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
В.А.ВАЗЮЛИН